

Angeli et caelum: рождение схоластических полиса и космоса¹

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: CASAS G. (2022). LA DÉPOLITISATION DU MONDE: ANGÉLOLOGIE MÉDIÉVALE ET MODERNITÉ. PARIS: LIBRAIRE PHILOSOPHIQUE J. VRIN ET ÉDITIONS DE L'EHSS.

Фёдор Нехаенко

Стажер-исследователь, Центр фундаментальной социологии, НИУ ВШЭ.
Адрес: ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1, Москва, 105066, Российская Федерация,
E-mail: t.a.nnkmail.ru@gmail.com

Средневековая ангелология представляет собой признанную область исследований, которую ученые сравнивают с «лабораторией»² и «мыслительным экспериментом»³: в схоластической мысли ангелы превратились в идеальный и лишенный множества догматических характеристик предлог для обсуждения абстрактных проблем, будь то язык, перемещение в пространстве или познание идеальных субъектов. Тем не менее волна чисто философских исследований затмила другую проблему — политическое и, шире, антропологическое измерение ангелологии. Если открыть оглавления двух самых цитируемых англоязычных сборников по ангелам⁴, то читатель найдет только две главы из 22, посвященные политическим импликациям ангельской иерархии. Одна из них принадлежит Сильвену Пирону, ведущему специалисту по Петру Оливи, и научному руководителю (вместе с медиевистом Тобиасом Хоффманном) диссертации Жислена Касаса, предмета моей рецензии.

Естественно, французская медиевистика всегда была более заинтересована в условиях человеческого мышления и прикладных проблемах, чем немецкая или английская. Более того, Касас и Пирон состоят в «Groupe d'Anthropologie Scolastique», основанной Аланом Буро с целью изучения «схоластической эпистемы»⁵, в рамках которой схоластика становится неотъемлемым аналитическим основанием для представлений о средневековом человеке, обществе и государстве. Столь

1. Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Стратегии нормализации повседневности в чрезвычайных ситуациях: инерция аффекта и открытость вызовам» Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2023 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

2. *Suarez-Nani T.* (2018). *Space and Movement in Medieval Thought: The Angelological Shift // Space, Imagination and the Cosmos from Antiquity to the Early Modern Period / F. Bakker, D. Bellis, C. Palmerino* (eds). Berlin: Springer. P. 86.

3. *Perler D.* (2008). *Thought Experiments: The Methodological Function of Angels in Late Medieval Epistemology // Angels in Medieval Philosophical Inquiry: Their Function and Significance / M. Lenz, I. Iribarren* (eds). London: Routledge. P. 143–144.

4. *Lenz M., Iribarren I.* (eds) (2008). *Angels in Medieval Philosophical Inquiry: Their Function and Significance*. London: Routledge; *Hoffmann T.* (ed.). (2012). *A Companion to Angels in Medieval Philosophy*. Leiden: Brill.

5. *Boureau A.* (2007). *L'Empire du livre: Pour une histoire du savoir scolastique (1200–1380)*. Paris: Les Belles Lettres. P. 169.

краткий историографический этюд — это вынужденная мера для того, чтобы заранее определить ряд формальных и структурных решений, принятых Касасом. Не только тема, вынесенная в название, отражает новую⁶ попытку отказаться от дискретности истории, дабы найти основание современных представлений о политике и науке в лесах схоластики, но и методология легко определяется той средой, в которой диссертация была подготовлена.

Монография открывается ссылками на К. Шмитта, Э. Петерсона, Дж. Агамбена и М. Фуко, формирующего методологическое ядро книги. Питерсон и Агамбен цитируются, чтобы подчеркнуть утверждение Касаса о политическом измерении англелологии (р. 13–14), а «политическая теология» Шмитта превращается в средневековую «политизацию теологии» (р. 20, 22). Развивая незаконченный проект Фуко о пасторской власти (*pastorat*), объединявшей политику и природу в один универсум (*continuum théologico-cosmologique*)⁷, Касас утверждает, что ключевой разрыв между полисом и космосом произошел именно в Средневековье благодаря переосмыслению статуса ангельской иерархии (р. 9–10, 17). Работы Фуко давно использовались французскими историками в качестве методологического инструмента⁸, но Касас идет дальше, позволяя «Безопасности, территории, населению» определять вектор собственного исследования, что ограничивает возможности для рассмотрения материала, который может не соответствовать гипотезе, основание которой составляет фукольдианский ограниченный и обзорный анализ пасторской власти в Средние века. Зависимость от Фуко могла предопределить как исключение некоторых источников, не соответствующих гипотезе Касаса, так и абстрактное завершение книги, выходящее за пределы «современности», о чем мы поговорим ниже.

Неотъемлемой заслугой автора является последовательная внешняя организация текста: чтобы доказать автономизацию политики и науки, Касас посвящает две части работы «деполитизации космоса» и «политизации ангелов». Первая часть проливает свет на отказ от концепции ангелов-двигателей небесных сфер в пользу теории естественного движения за счет *impetus*⁹, открывающего дорогу современной физике (р. 27–28), а вторая описывает концептуализацию светской бюрократической системы на основе ангельской иерархии (р. 29). Хотя двухчастная структура прекрасно соответствует амбициозной гипотезе, но реализация столь сложного проекта далека от идеальной. Тогда как в первых трех главах Касас последовательно анализирует три разных ответа Альберта Великого, Фомы Ак-

6. Буро назвал временной промежуток, идентичный исследованию Касаса, «историей мечты о государстве» (*l'histoire du rêve de l'État*). См.: *Boureau A.* (2006). *La Religion de l'Etat: La construction de la République étatique dans le discours théologique de l'Occident médiéval (1250–1350)*. Paris: Les Belles Lettres. P. 16.

7. *Foucault M.* (2004). *Sécurité, territoire, population*. Cours au Collège de France, 1977–1978 / F. Ewald, A. Fontana, M. Senellart (eds). Paris: Gallimard/Le Seuil. P. 239.

8. Недавно вышел целый сборник, посвященный отношению историков к Фуко (*Boquet D., Dufal B., Labey P.* (eds) (2013). *Une histoire au présent. Les historiens et Michel Foucault*. Paris: CNRS).

9. Толчок, импульс.

винского и Роберта Килвардби на вопрос от собрата-доминиканца о том, являются ли ангелы двигателями небесных сфер, вторая часть представляет собой сборник разных этюдов о концепте иерархии и французской политической теологии, которые не связаны ни хронологически, ни содержательно, а источники в последней главе вновь поднимают проблему ангелов-двигателей (р. 281–289), уже решенную в первой части. Более того, три последние главы не формируют единого тезиса о политизации светской иерархии. Таким образом, монография распадается на части, имеющие самостоятельную ценность, но подтверждение исходной гипотезы требует дополнительной работы.

В целом эта проблема характерна для столь масштабных проектов, хронология которых затрагивает одновременно Античность, Средневековье и Новое время. За амбициозность и претенциозность авторам приходится платить убедительностью и детальностью рассмотрения нюансов проблемы. Несмотря на это, я считаю, что в первой части Касас столь виртуозно справился с поставленной задачей, что даже читатель, далекий от схоластики, прочтет ее с интересом.

Сама идея рассмотреть разные ответы трех доминиканцев на один и тот же вопрос позволяет обнаружить возможные решения, а также проследить эволюцию каждой позиции на примере учеников и последователей (р. 33). Исходя из жесткой демаркации между теологией и философией, Альберт полагает, что существуют два независимых порядка рассмотрения проблемы, представленные Дионисием Ареопагитом и Авиценной (р. 39, 43). Наделенные свободой ангелы отличаются от двигателей небесных сфер, которые образуют цепь природных причин, необходимо эманулирующих (*fluxus*) из первой причины, а та осуществляет управление миром (*regimen* или *gubernatio mundi*) (р. 57, 62, 67) так, что в ней соединяются политическое руководство и метафизическое творение (р. 67, 76). Дитрих Фрайбергский и Бертольд из Мосбурга, последователи немецкого богослова, развивают последнюю дистинкцию, отделив природный детерминизм небесного движения от ангельского волюнтаризма и божественных чудес (р. 83–84, 89, 92). Их целью все же остается защита и автономизация перипатетической философии в рамках христианской теологии (р. 93–94).

Фома противоречит своему учителю, а также братьям-доминиканцам, рассматривая ангелов-двигателей небесных сфер в теологическом дискурсе (р. 97, 99, 108). Ангелы являются бестелесными медиаторами всего природного движения, воздействуя на сферы посредством нефизической и лишенной количественного измерения силы (*contactum virtutis*) (р. 103–105, 111). Они осуществляют власть (*imperium*) над телами таким образом, что порядки (*ordines*) провидения и природы, которые Альберт намеренно различает, совпадают в движении-властвовании (р. 112–114). Как и многие другие аспекты томистской ангелологии, концепция ангелов-двигателей небесных сфер была осуждена в Париже в 1277 году (р. 115, 120).

Среди поборников Фомы Гервей Наталис и Годфри из Фонтейна подчеркивают свободу воли ангелов, движущих сферы (р. 122, 124–125), а Ричард из Медиявилла предвосхищает финальную позицию Роберта Килвардби, отказавшегося

от гипотезы двигателей (р. 131). Согласно Ричарду, ангелы обеспечивают циркуляцию сфер с помощью форм, которые они извлекают из потенции неба к движению, следовательно, физическое основание движения планет заложено в самих телах, а не во внешней силе (р. 127–129). Завершает экспозицию эволюции томизма Франциск из Марки. Два последних «последователя» Фомы принадлежат к ордену францисканцев, враждовавшему с доминиканцами¹⁰. И если Ричард был самым лояльным из миноритов к ангельскому доктору, то Франциск вел критическую дискуссию в основном с братьями Дунсом Скотом, Петром Ауреоли и Уильямом Оккамом¹¹.

Касас не приводит аргументов, подтверждающих связь или хотя бы преемственность между философами из конфликтующих нищенствующих орденов с разными взглядами. Тем не менее Франциск утверждает, что благодаря *virtus derelicta*¹² пассивные небеса продолжают движение по инерции даже после того, как ангелы прекращают на них воздействовать (р. 131–135, 138). В то время как все авторы пытаются сохранить после 1277 года теорию ангелов-двигателей, Касас заключает, что ангелы постепенно теряют свои власть и значение в космосе, превращаясь во внешнюю и вторичную причину движения (р. 139–140).

Касас демонстрирует, что логическим завершением идей Ричарда и Франциска станет концепция магистра искусств Жана Буридана (р. 131), но в третьей главе показывает альтернативную логику «деполитизации мира». Остается открытым вопросом, какая из этих схем сделала возможной концепцию Буридана. Причем за всю монографию не упомянуты ни Уильям Оккам, ни Фома Брэдвардин, оказавшие влияние на Буридана¹³. Касас не учитывает эти проблемы, как и исторические обстоятельства существования и развития мендикантской схоластики. Он абстрагирует идеи и концепты из исторической реальности так, что вопрос преемственности и влияния становится вторичным.

Согласно Касасу, Роберт Килвардби, разрушая перипатетическую границу между подлунным и надлунным мирами, полагает, что причиной небесного движения является вес планет (р. 144, 147). Доминиканец легитимирует физическое исследование космоса, невозможное для аристотелевской физики, заключенной в рамки подлунного мира (р. 158–160, 163). Жан Буридан же объясняет небесное движение с помощью концепции импетуса, который в качестве *vis impressa*¹⁴ Бог вкладывает в сферы при творении (р. 167, 169, 171). Поправляя своего учителя, Николай Орем определяет импетус как причину ускорения движения, ограничен-

10. См.: Rovighi S. V. (1952). LA CONTROVERSIA SULLA PLURALITA' DELLE FORME NEL SECOLO XIII // Rivista di Filosofia Neo-Scolastica. Vol. 44. No. 3. P. 246, 250.

11. См.: Friedman R. L., Schabel C. (2001). Francis of Marchia's Commentary on the Sentences: Question List and State of Research // Mediaeval Studies. Vol. 63. P. 35–37; Lambertini R. (2006). Francis of Marchia and William of Ockham: Fragments from a Dialogue // Vivarium. Vol. 44. № 1. P. 184–185.

12. Оставшаяся сила.

13. См.: Goddu A. (1984). The Physics of William of Ockham. Leiden: Brill. P. 228–232; Read S. (2002). The Liar Paradox from John Buridan back to Thomas Bradwardine // Vivarium. Vol. 40. № 2. P. 189–190.

14. Запечатленная сила.

ную во времени и равную пропорции между мощностью толчка со стороны Бога или интеллигенции (французский епископ сохраняет обе возможности) и силой сопротивления гравитации (р. 173, 177, 178). В итоге ангелы-двигатели сохраняют гипотетический статус, но одновременно становятся бесполезными (*inutile*), освобождая место для автономного и физического исследования космоса (р. 180–181).

Вторая часть монографии разделена на три главы, раскрывающие эволюцию термина «*ιεραρχία*», применение ангельской иерархии к феодальному порядку и окончательное отделение полиса от космоса. В отличие от первой, вторая часть не обладает ни последовательной хронологией, ни конкретным кейсом, который мог бы удержать внимание читателя. Касас спокойно перемещается из XIII века в IX без подробного объяснения связи между авторами различных эпох, а три главы не образуют единого аргумента. Средневековая интеллектуальная культура *grosso modo* лишена представления об аутентичности и новизне, поэтому читателя может удивить скрупулезное изучение в первой главе незаметных изменений, которые схоласты постепенно внедряли в дионисийское определение иерархии, состоящее из божественных уподобления (*ἐνέργεια*), мысли (*ἐπιστήμη*) и порядка (*τάξις*) (р. 185–186).

Латинские авторы со времен первого перевода Хилдуина транслитерировали неологизм Дионисия (*hierarchia*) и разбили его на две части *sacer* (*ιερός*) и *principatus* (*ἀρχή*), чтобы прояснить значение термина (р. 197–198). Второй переводчик Дионисия на латынь Скот Эриугена подчеркивает связь иерархии с духовенством (*sacerdotium*) (р. 199), а Анастасий Библиотекарь — редактор и корректор перевода Эриугены — политизируя концепт иерархии, переводит греческое «*μυστήριον*» как «*ministerium*» вместо «*sacramentum*», распространяя исходное греческое слово «таинство» на различные ранги, должности и функции клириков и ангелов (р. 199–201). Гуго Сен-Викторский продолжает экспансию иерархии за пределы мира ангелов и утверждает, что Бог распределяет власть (*imperium*) между всеми тварями, а те приобщаются к божественному правлению благодаря благодати (р. 203–206). В начале XIII века Алан Лилльский добавляет рациональное, легитимное и сакральное измерения иерархии: по мнению Касаса, второй элемент исключает возможность демонической антииерархии (р. 211–212, 233). Тем не менее Касас не учитывает, что Алан описывает псевдоиерархию демонов, исполняющую функции, обратные ангельской иерархии, в том числе распространение ересей. Это не только фактическая ошибка, но и значительная проблема для полноты авторской гипотезы, поскольку данный концепт вскрывает обратную сторону аргументации Касаса, допускающей исключительно сакральное значение иерархии, которое затем будет перенесено на светское квазигосударство.

Игнорируя связь сфер, иерархии и демонов в сочинениях Гийома Овернского и Геррика из Сен-Кантена¹⁵, Касас упрощает политическую теологию XIII века,

15. Французский исследователь заинтересован только в добрых ангелах, а демоны, то есть падшие и лишенные благодати ангелы, оказываются исключенными из рассмотрения по умолчанию. Мы же имеем свидетельства, демонстрирующие связь демонов и космологии в схоластическом мышлении.

увлеченную поиском «врага» (еретика, мага или демона) и конструирующую антиидентичность. Цитируя множество источников после Алана, включающих Филиппа Канцлера¹⁶, Бонавентуру, Альберта Великого, Касас демонстрирует постепенную интеграцию действия в представление об иерархии (р. 227). Альберт завершает развитие институционального измерения иерархии, в которое включены как деятельность, так и знание ангелов (р. 229–230, 234–238), а для Фомы иерархия воплощает божественное провидение, которое может быть реализовано исключительно в практике управления (*gubernatio*) (р. 243–245).

Следующая глава разрывает хронологию первой, моментально сменяя один век за другим и отправляя нас назад в XI век к описанной Жоржем Дюби трехчленной иерархии общества Адальберона и Герарда (р. 249). Ни один из двух теологов не цитирует эксплицитно определение иерархии Дионисия (р. 254), поэтому Касас переходит к открытой учеником Дюби Осерской школе, где в IX веке была утверждена иерархическая модель посредничества клира между ангельской и светской иерархиями (р. 255–257). В повествовании Касаса за IX веком следует XIII: Фома объединяет феодальную и дионисийскую иерархии в теории управления (*gubernatio*) различными порядками (*ordines*), должностями (*officia*) и действиями (*actus*) (р. 258–260), а Гийом Овернский описывает первую параллельную классификацию ангельских чинов и королевских сословий (р. 267–269). Гийом не пытается воспроизвести подлинную иерархию французской монархии, но стремится отразить процесс постепенного формирования государственной бюрократии Капетингов, выражая связь небесной и земной монархий (р. 273–278). Через 40 лет Иоанн Пеккам, автор французского неологизма «*gerarchie*», совершит обратный ход и объяснит ангельские чины с помощью терминологии, заимствованной из светской бюрократической иерархии, тем самым «политизируя» ангелологию (р. 279–283).

В последней главе медиевист возвращается к вопросу о роли ангелов в тексте Гийома Овернского, чем окончательно нарушает линейность повествования. Сохраняя неоплатоническую идею, согласно которой у каждой планеты есть своя душа, ответственная за ее движение, Гийом освобождает ангельскую иерархию от космического детерминизма: в отличие от душ и сфер, ангелы не ответственны за движение небес, но осуществляют управление миром (*gubernatio*) (р. 288–293, 295). Движение сфер и управление миром разделяются как космология и политика, поэтому астрологическое представление о детерминации жизни в подлунном мире небесными сферами и душами заслуживает, согласно Гийому, осуждения (р. 294). Финальный источник Касаса — Эгидий Римский — объединяет идеи Гийома и Фомы: он включает людей и земную монархию в ангельскую иерархию и утверждает, что ангелы политически участвуют в движении сфер, командуя ими

---

16. Касас считает, что вклад Филиппа состоит в добавлении термина «*debitum*» и отрицании демонического порядка в рамках дионисийского определения иерархии (р. 222, 233), однако текст Филиппа подозрительно похож на до сих пор не транскрибированный манускрипт комментария на «Сентенции» Гуго Сен-Шерского (Vat. lat. 1098. II.9. F. 52v).

и актуализируя потенцию к движению без прямого соприкосновения (р. 299, 301, 304–306).

Заключение только усиливает впечатление формального различия между последовательностью первой части и сложностью второго раздела: в рамках «longue durée» Касас переходит к краткому анализу представлений о трехчленной иерархии К. Луазо и космических сферах И. Кеплера, дабы поставить акцент на преемственности Средних веков и Ренессанса (р. 309–312), а затем завершает исследование небольшой ремаркой о «post-modernité» (р. 314–317). Автор все же не доказывает связь трех эпох и не демонстрирует соединение в единый комплекс деполитизированного космоса и политизированной иерархии.

Преыдущие критические ремарки затрагивали внутреннюю логику и последовательность текста, но для меня рецензия — это повод вступить с автором в содержательный диалог за пределами пересказа книги и обсуждения формальных аспектов работы. Поэтому в финальной части рецензии я сформулирую две проблемы, которые, на мой взгляд, не позволяют считать гипотезу Касаса полностью доказанной и требуют дальнейшего изучения. Во-первых, если вторая часть монографии имеет неоспоримое основание, к которому автор постоянно возвращается, несмотря на отсутствие линейности повествования — *Corpus Areopagiticum*, то первая часть лишена фундамента. Существовала ли теория, доказывающая идентификацию ангелов и двигателей? Касас оставляет только намеки на еврейских и арабских перипатетиков (р. 34, 44), но не анализирует латинскую рецепцию их теории или западных предшественников трех доминиканцев, с которыми они могли бы полемизировать, однако без объекта критики невозможно оценить вклад собратьев в «деполитизацию». Показательно, что во второй части Касас выстроил долгий исторический экскурс, ведущий к концепции иерархии Фомы, но в первом разделе теория Фомы возникает *ex nihilo*¹⁷. Из-за этого в истории, сконструированной Касасом, теряет значение революционность Фомы, который отказался от душ, «анимирующих» сферы, заменил их внешней причиной, то есть силой (*virtus*) воздействия ангелов, и, как следствие, совершил важный шаг на пути научного прогресса и естественного объяснения небесного движения¹⁸.

Более того, если для Авиценны или Аверроэса столь важный в книге Касаса вопрос идентификации библейских ангелов и философских интеллигенций не мог быть поставлен по религиозным причинам¹⁹, то минимальный анализ латинской

17. Вместе с тем Фома имел предшественника из Ордена проповедников в лице Ричарда Фишакра, который в комментарии на «Сентенции» (ca. 1245) предвосхитил и потенциально вдохновил развитие теории ангелов-двигателей Фомы, Гервея и Годфри.

18. *Mottoni B. F., Suarez-Nani T.* (2002). Hiérarchies, miracles et fonction cosmologique des anges au XIIIe siècle // *Mélanges de l'école française de Rome*. Vol. 114. № 2. P. 751. Касас ограничивается ссылкой на статью о «деанимации небес» Р. Дейлса (р. 176), но нигде не обсуждает новизну томистского подхода в истории Средних веков.

19. Хотя, конечно, оба философа отождествляли ангелов, интеллигенции и сферы (см.: *Suarez-Nani T.* (2006). Individualität und Subjektivität der Engel im 13h. Jahrhundert: Thomas von Aquin, Heinrich von Gent und Petrus Johannis Olivi // *Das Mittelalter*. Vol. 11. № 1. S. 30), сам Маймонида интегрировал представление об интеллигенциях Аль-Фараби и Авиценны в христианскую ангелологию, что только уси-

рецепции «Путеводителя растерянных»²⁰ Маймонида эксплицирует те контр-аргументы, которые так подробно описывает Касас в первой части. Игнорируя иудейского философа, как и более широкое значение той мощи, с которой средневековые переводы с арабского и иврита влияли на западную культуру, мы потенциально упускаем контекст, в котором христианские богословы вынуждены были искать альтернативные объяснения небесного движения.

Маймонид заявляет, что различие между интеллигенцией Аристотеля (*intellegentia*) и христианским ангелом (*angelus*) является номинальным (*in nomine*), поскольку они выполняют работу и двигателя (*motor*), и посланника (*nuncius*)²¹. С одной стороны, ангелы воплощают все силы (*virtutes*), включая телесные (*virtus in corpore*), поэтому Маймонид называет их также формами (*forma*), дарителем форм (*dator formarum*) и душами сфер (*anima*)²². С другой стороны, Маймонид политически трактует Танах, рассуждая о способе властвования (*potestatis modus*) и должностях (*officia*) ангелов²³. В то же время андалусский философ ставит под сомнение доказательность (*demonstratio*) астрономии (*scientia firmamenti*), поскольку Бог актом свободной воли может умножить количество интеллигенций и управляемых ими звезд²⁴. Текст Маймонида преследует, как призрак, книгу Касаса, так как на нескольких страницах иудейский экзегет соединяет перипатетизм и Священное Писание так, что ангелы приобретают два ряда параллельных функций. Латинский перевод «Путеводителя» выражает комплекс проблем, в рамках которого предопределяет как позицию сторонников анимации планет, так и тех, кто вслед за Фомой будет защищать концепцию внешних движущих сил со стороны ангелов-моторов. На основании собственной теории ангелов-интеллигенций Маймонид формулирует даже неточность перипатетической астрономии, которую Касас обсуждает, разбирая сочинения Роберта Килвардби (р. 155–160). Однако это лишь предварительная гипотеза, требующая детального анализа рецепции Маймонида среди источников Касаса и подчеркивающая значение, которое приобретает поиск исторического основания любой теоретической критики.

Далее, поскольку французский медиевист нигде не описывает подробно ограничения исследования и методологию, невозможно избежать вопросов, ка-

---

ливают его значение для монографии Касаса (*Zonta M. (2011). Maimonide e gli angeli // Angeli: Ebraismo Cristianesimo Islam (La quarta prosa) / G. Agamben, E. Coccia (ed.). Vicenza: Neri Pozza. P. 365.*)

20. Тракта́т был написан на арабском, затем переведен на иврит, а с иврита на латынь: латинский фрагмент третьей книги под названием «*Liber de parabola*» был подготовлен еще в 1220-е года, а первые упоминания «Путеводителя» принадлежат Роланду Кремонскому и Гийому Овернскому в начале 1230-х годов (см.: *Schwartz Y. (2019). Persecution and the Art of Translation: Some New Evidence Concerning the Latin Translation of Maimonides' Guide of the Perplexed // Revue des Études Hébraïques et Juives. Vol. 22. P. 52–53.*). К сожалению, в настоящий момент критически издана только первая из трех частей полного латинского перевода «*Dux neutrorum*» (см.: *Moses Maimonides (2019). Dux Neutrorum Vel Dubiorum, Pars I / D. Di Segni (ed.). Leuven: Peeters*), поэтому для дальнейшего разбора второй части я буду использовать средневековый манускрипт из Ватикана.

21. Vat. lat. 1124. II.7. F. 48r.

22. Ibid. II.5. F. 46v, 48v.

23. Ibid. II.6. F. 47v, 48v.

24. Ibid. II.12. F. 50r.

сающихся игнорирования альтернативных линий интеллектуальной истории. Воссозданная Касасом эволюция теории импетуса формирует иллюзию, что единственным источником переворота в схоластической физике стал постепенный отказ от концепции ангелов-двигателей Аквината в сочинениях Роберта Килвардби, Ричарда из Медиавилла, Франциска из Марки и Жана Буридана. Тем не менее Касас не упоминает важнейшего христианского перипатетика и предшественника схоластической физики Иоанна Филопона, создавшего первый вариант теории импетуса и еще в VI веке отрицавшего гипотезу ангелов-двигателей. Критикуя распространенное в греческой патристике объяснение движения каждой небесной сферы (ἀστέρων ἕκαστον) посредством ангелов (ἄγγελοι κινούσιν), Иоанн отвергает догматически и теоретически гипотезу, сводящую ангелов к «подобию тягловых животных» (ὑποζυγίων δίκην). Философ полагает излишним принудительное (μὴ βιά; φθορᾶς αἰτίαν) ангельское движение и утверждает, что Бог при творении вкладывает силу движения во все тела (θεὸς κινήτικὴν ἐνθεῖναι δύναμιν), включая планеты, а обратному тезису невозможно найти подтверждения в Священном Писании²⁵. Натурализм Филопона мог достичь латинского Запада либо непосредственно благодаря парафразу Авиценны его главным критиком Аль-Газали²⁶, переведенным на латынь и получившим ложную репутацию последователя Авиценны²⁷, либо опосредованно через латинский перевод «*De motibus celorum*» аль-Битруджи²⁸.

Концепция естественного движения развивалась благодаря, а не вопреки греческой и арабской науке. Если принимать во внимание теорию Филопона, то теряет значение вклад Фомы и Ричарда, так как импетус становится элементом рецепции, а не внутреннего развития схоластики. Кроме того, теория импетуса поддерживалась одними и теми же мыслителями (Ибн Синой, аль-Газали), которые были ответственны за распространение представлений об ангелах-двигателях²⁹. Даже краткое рассмотрение истоков становления импетуса ставит под вопрос связь доминиканцев с идеями францисканцев и магистров искусств, которым была посвящена первая часть книги, а фигура Петра Оливи, вынесенная в маленькую сноску о «деиерархизации платонической иерархии» (р. 194–195), ответственна за слепое пятно экспозиции и физического импетуса, и ангельской иерархии.

25. *Ioannes Philoponus* (1897). *Joannis Philiponi De opificio mundi libri VII* / G. Reichardt (ed.). Lipsia: Bibliotheca Teubneriana. P. 28–29.

26. *Zimmermann F.* (2010). *Philoponus' Impetus Theory in the Arabic Tradition* // *Philoponus and the Rejection of Aristotelian Science* / R. Sorabji (ed.). Ithaca: Cornell University Press. P. 169.

27. *Minnema A. H.* (2013). *The Latin Readers of Algazel, 1150–1600*. PhD Thesis. Knoxville: University of Tennessee. P. 132, 151, 153.

28. *Dales R. C.* (1980). *The De-Animation of the Heavens in the Middle Ages* // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 41. № 4. P. 538–539; *Hentschel K.* (2009). *Zur Begriffs- und Problemgeschichte von «Impetus»* // *Das Wagnis des Neuen. Kontexte und Restriktionen der Wissenschaft* / H. R. Yousefi (ed.). Bautz: Nordhausen. S. 496–497.

29. *Davidson A. H.* (1992). *Alfarabi, Avicenna, and Averroes, on Intellect: Their Cosmologies, Theories of the Active Intellect, and Theories of Human Intellect*. Oxford: Oxford University Press. P. 121, 133–134.

Схожим образом Касас рассматривает теории только трех защитников Фомы после осуждения 1277 года (Эгидия Римского, Ричарда из Медиавилла и Годфри из Фонтейна), но игнорирует Иоанна Парижского, чьи взгляды нарушают последовательность исторического нарратива второй части рецензируемой монографии, поскольку парижский богослов исключал возможность аналогии между небесной, церковной и светской иерархиями, развивая идеи ангельского доктора³⁰. На мой взгляд, тексты, выходящие за пределы исходной гипотезы, становятся наиболее полезными источниками рефлексии, а демаркация строгих ограничений исследования и детальные сноски исключили бы подобные контраргументы, иллюстрирующие вариативность интеллектуальной истории.

Мои замечания не способны умалить значение и масштаб диссертации. Касас поставил перед собой огромную задачу и, возможно, заново открыл путь для исследований влияния ангелологии на средневековую науку и политику, хотя многолетняя «*Le système du monde*» П. Дюхема, первопроходца в изучении средневековой науки и главного оппонента Касаса, начала издаваться более ста лет назад. Естественно, масштаб замысла и разнообразие материала оставляют многое за скобками, а также заведомо исключают возможность охватить все ответвления средневековой философии, затрагивающие проблематику книги. На мой взгляд, ключевая ошибка Касаса состоит в том, что он не смог ясно и отчетливо выстроить внутреннюю структуру и рамки исследования. Невзирая на критический тон моей рефлексии, я верю, что прекрасная и заслуживающая внимания диссертация Касаса найдет не только своего читателя, но и отклик в сердцах исследователей.

Angeli et Caelum: the Birth of Polis and Cosmos in Medieval Scholastics

Review of the book: Casas G. (2022) *La dépolitisation du monde: Angéologie médiévale et modernité*, Paris: Librairie philosophique J. VRIN et Éditions de l'EHESS.

Fedor V. Nekhaenko

Research assistant, Centre for Fundamental Sociology, NRU HSE

Address: 21/4 Staraya Basmannaya Ulitsa, Building 1, Moscow, Russian Federation, 105066

E-mail: t.a.nnkmail.ru@gmail.com

---

30. *Luscombe D.E.* (1988). Thomas Aquinas and Conceptions of Hierarchy in the Thirteenth Century // *Thomas von Aquin Werk und Wirkung im Licht neuerer Forschungen* / A. Zimmermann (ed.). Berlin: De Gruyter. P. 276–277.